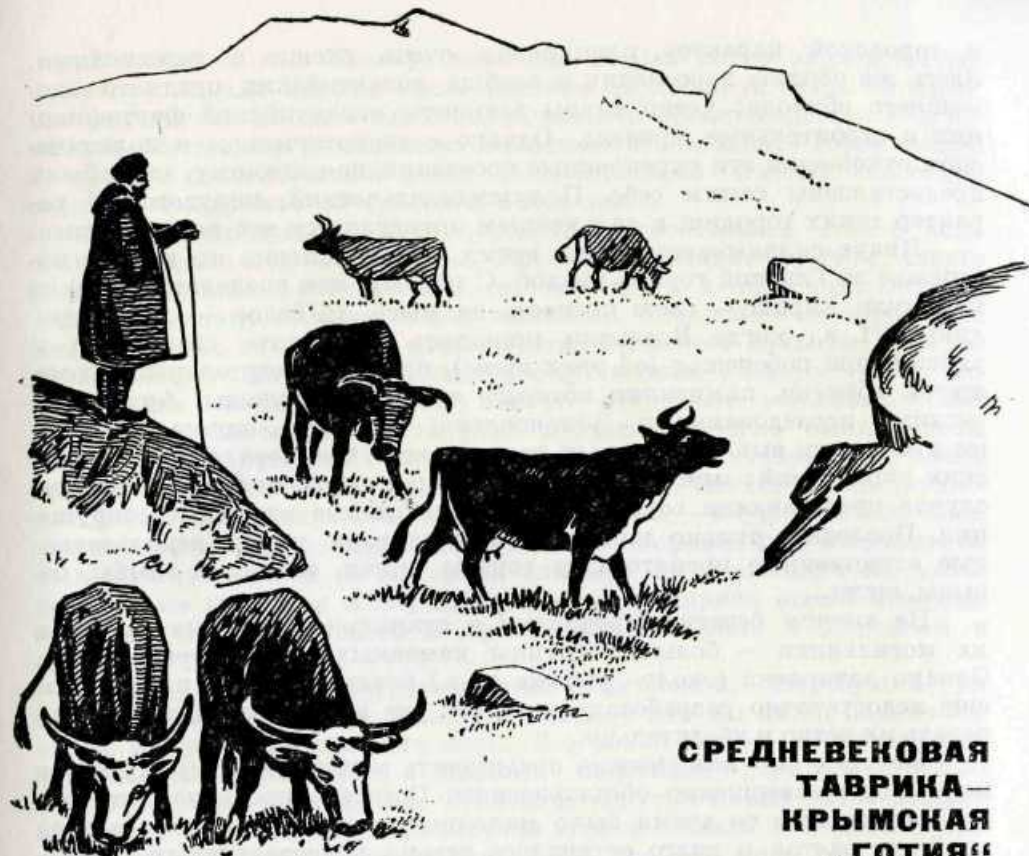

митрополиты тоже предпочитали жить в соседних деревнях, принадлежавших генуэзцам.

В 1397 г., когда в юго-западный Крым вторглись полчища золотоордынского хана Едигея, разоренный ими Херсон как город почти перестал существовать. Об этом говорят следы огромного пожара в слое, перекрывающем его руины. Однако и после разгрома там еще какое-то время теплилась жизнь. В конце XV столетия возле величественных развалин некогда славного города ютилось рыбацкое поселение. Уцелевшие, но заброшенные постройки Херсона постепенно превращались в груды мертвых камней, над которыми долго возвышались остатки мощных башен и стен. Инструкция генуэзскому консулу в Кафе, датированная 1472 г., гласит: «...было бы полезно снести башни и стены одного необитаемого места, которое называется Херсон. И это в тех целях, чтобы турки не заняли его».

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТАВРИКА— КРЫМСКАЯ „ГОТИЯ“

IV в., после ухода римского флота от берегов Крыма и временного сокращения сухопутных войск империи, стоявших в Таврике, окружающая Херсонес территория осталась неохраняемой, но и свободной от военно-административного контроля. Торговое и культурное влияние на нее соседнего Херсонеса, ставшего византийским городом Херсоном, остается. Но так как в Таврике не существовало тогда какой бы то ни было централизованной государственной власти, в хорошо защищенных самой природой местах юго-западного Крыма в V в. возникает ряд независимых поселений, укрепленных боевыми стенами (Эски-Кермен, Мангуп, Сюйренское укрепление, Вакла и др.).

Жизнь этих городищ была в сильнейшей степени проникнута византийской культурой. И типы жилищ,

и городской характер планировки очень схожи с херсонскими. Здесь же обилие херсонских и вообще византийских предметов домашнего обихода; четко видны элементы византийской фортификации и строительные приемы. Однако в экономическом и политическом отношении эти укрепленные поселения, по-видимому, долго были предоставлены самим себе. Полуземледельческий, полувоенный характер таких городищ в дальнейшем определяется все яснее и яснее.

Иначе складывается в это время вся обстановка на южном побережье за Главной горной грядой. С тех пор, как последние римляне покинули Харакс — свою крепость на мысе Ай-Тодор — и до середины VI в., когда Византии пришлось приложить свои силы к укреплению побережья (об этом ниже), прошел значительный промежуток времени, памятники которого еще мало изучены. Археологическими исследованиями установлено, что здесь, кроме Харакса, ни у моря, ни выше на горных склонах не существовало других римских укреплений; имелись лишь убежища тавров, которые в лучшем случае представляли собой весьма примитивные каменные сооружения. Последние только дополняли и усиливали умело использованные естественные препятствия: горные кручи, скальные глыбы, обрывы, щели.

На южном берегу встречаются и открытые поселения тавров и их могильники — большие группы каменных ящиков-усыпальниц. Однако датировка (около рубежа н. э.) позднеатавских памятников еще недостаточно разработана, поэтому нет возможности периодизировать их четко и убедительно.

Вместе с тем невозможно представить этот край в первых веках нашей эры совершенно обезлюдившим. Остается предположить, что его население в то время было малочисленным, переживало период крайнего застоя и долго оставалось весьма консервативным. Подобное положение могло определяться, с одной стороны, специфическими чертами самих тавров — источники свидетельствуют, что они были нетерпимы ко всему иноплеменному и способны стойко сопротивляться агрессии чужеземцев; с другой — такое положение могло быть результатом политики Рима, наследником и продолжателем которой в этих местах сделалась Византийская империя.

Существенные, но в данном случае узкие интересы Византии (как и Римской империи) здесь сводились к поддержанию безопасности плавания торговых судов вдоль берегов Крыма. При явном превосходстве византийского оружия над силами варваров не требовалось больших затрат на строительство и содержание фортов. Известная же изоляция своих гарнизонов от местного населения с чисто военной точки зрения являлась плюсом, а не минусом. Вероятно, на руку Византии была разобщенность населения побережья с более цивилизованными соседями на северной стороне гор.

В конце V в. в Крыму появилась вторая волна гуннов, отброшенных с запада Европы после распада державы Аттилы. За ними пришли другие кочевые племена, тюркского происхождения. Это изменило обстановку и заставило Византию использовать горы южной Таврики в качестве своего рода заградительной полосы, способной охранять побережье от агрессии кочевников.

Если взглянуть на карту средневекового Крыма, станет ясна сложившаяся тогда обстановка. Крепкие городища юго-западного предгорья могли противостоять любому врагу и облегчить оборону Херсона. Однако каждое из них возникло независимо от остальных, вне какого бы то ни было единого стратегического замысла. Каждое довлело над территорией, имеющей естественные границы (реки, теснины, цепи скалистых холмов) вокруг открытых земледельческих поселений. Обитатели последних, вероятно, всегда были готовы взять в руки оружие и, спрятав за крепостной стеной жен, детей, стариков, имущество и скот, дать отпор врагу. Относительно труднодоступное местоположение таких укреплений — на скалистых обрывистых вершинах гор-останцев — давало им целый ряд оборонительных преимуществ. В то же время близость их к выходам из долин на степные просторы и караванные пути в мирное время открывала возможность торгового и культурного общения с Херсоном и степняками.

Между нагорьем и группой этих укреплений, стерегущих тучные, орошаемые реками долины, оставался как бы клин, направленный с северо-востока на юго-запад. Его узкий конец приходился на верховья Альмы и Качи, а широкое основание терялось в степях у Симферополя, Белогорска, Феодосии. Внутри клина после вторжения готов и первой волны нашествия гуннов оседлая земледельческая жизнь долгое время едва теплилась. По крайней мере до IX—X вв. мы не можем (несмотря на проведенные разведки) найти признаки ее возрождения в этих местах, ставших добычей кочевников. Под давлением последних коренные обитатели восточного и центрального предгорья все глубже уходят в неудобные для земледелия горы, а в хозяйственной их деятельности начинается преобладать отгонное скотоводство. Вероятно, это слабо организованное население иногда вступало в контакт с пришельцами и тогда могло представлять не меньшую опасность для побережья, чем сами кочевники.

В пределах указанного клина — ни на северных склонах Главной гряды, ни на всем пространстве нагорья от Байдарских ворот до Судакских гор — не возникло ни одной крепости, которая могла бы сдерживать стремление хищных пришельцев к горным перевалам и побережью.

Тем не менее — как не трудно догадаться — и на северной стороне гор нередко вспыхивала борьба с кочевниками, нападавшими на

поселения горцев. Следы ее могут являться примитивные каменные кладки, перегораживающие наподобие баррикад северные отроги горных массивов между обрывистыми ярами глубоких, заросших лесом оврагов, где рождаются бурлящие в скалах реки. Как правило, стены стоят двумя-тремя эшелонами, отступая в глубину гор и создавая несколько планов оборонительных рубежей. Остатки подобных стен на северных отрогах массива Караби были обследованы в 1963 г. Среди развалин найдены обломки раннесредневековой глиняной посуды (круглодонных амфор и пр.), поднято и несколько листовидных железных наконечников стрел, которые могут свидетельствовать о происходивших тут военных столкновениях. Вероятно, со временем при более пристальном изучении всех руин таких сооружений, а также остатков средневековых горных поселений (Молбай, Карасу-Баши, Баксан, Ени-Сала близ Симферополя и др.), они расскажут о той борьбе, которая протекала здесь в начале средневековья.

Этнический состав кочевнического населения степей, центрально-предгорья и восточных районов полуострова в VI—VII вв. пока не поддается уточнению. Это могли быть и остатки гуннов, и авары, и первые хазары. Все эти более или менее родственные друг другу тюркоязычные племена (как и следовавшие за ними печенеги, половцы, татары), попадая в Крым, оставались тут и смешивались — частью с предшественниками и аборигенами, частью с новыми пришельцами. Все они представляли постоянную опасность для Херсона, для земледельческих поселений юго-западного предгорья, для южно-го побережья Крыма.

Почти все средневековые памятники, которые находятся на Главной горной гряде, были заброшены людьми уже в X в. Укрепления, поселения и могильники, возникшие одновременно с ними на южной стороне Крымских гор, как и те, что в VIII—X вв. появились на их северных отрогах и склонах, большей частью пережили все этапы средневековья и сохранили их отпечаток. В соответствии с этим средневековые древности горного и югобережного Крыма как бы сами делятся на группы — нагорную, югобережную и северную. По каждой из них можно предложить три экскурсионных маршрута, захватывающих, конечно, лишь наиболее сохранившиеся и доступные памятники.

ПО КАРАБИ, ДЕМЕРДЖИ И ЧАТЫР-ДАГУ

Подъем на обширное нагорье Караби возможен с разных сторон. Но удобнее всего подниматься по его северным склонам — дорогами к метеостанции на яйле от с. Межгорье (б. Баксан) или из г. Белогорска.

Поднимаясь, вы несколько раз встретите упомянутые развалины древних стен, которые стоят поперек узких отрогов, между лесистыми и обрывистыми оврагами. Пройдя по Караби-яйле километра три на юго-восток от метеостанции, вы попадете на перевал Чигинитра (сюда же можно попасть от перевала Кокасан, что на дороге Белогорск — Приветное, по лесистому ущелью, где протекает речка Тунас). Восточный спуск Чигинитры ведет с яйлы в приморские села Приветное (б. Ускут) и Рыбачье (б. Туак). По западному спуску вьется тропа, проложенная пастухами мимо пещеры Фул (она же Туакская).

В ней найдены кости, керамика, орудия эпохи бронзы и времени раннего железа наряду со следами раннего средневековья. Оба спуска к морю перегорожены стенами (толщиной до 2,80 м) из дикарного камня, которые и сегодня выглядят внушительными. Длина стен Чигинитры — около 2 км.

За Чигинитрой к западу тянутся неприступные обрывы, под которыми от подножия скал к морю расстилается широкая полоса холмистой плодородной земли, изрезанной ручьями и речками, покрытой садами, виноградниками и возделанными полями, а местами низкорослым лесом.

Юго-западный отрог Караби венчают двуглавая гора Тай-Хоба и узкий гребень хребта Каратау. Последний разрезан узкой щелью, через которую проходит дорога Белогорск — метеостанция — с. Генеральское (б. Улу-Узень). Проходы между вершинами Тай-Хоба и Каратау перегорожены стенами, подобными чигинитринским. По гребню Каратау тянется от обрыва к обрыву такая же, только более длинная, стена. Западный конец ее спускается к верховью р. Суат и перевалу Таш-Хабах (Каменный замок). Пройдя над рекой, стена упирается в большой, похожий на башню, скалистый выступ. Отсюда просматривается верхнее течение Суата, виден восточный конец горы Долгой. Справа — хребет Орта-Сырт, гора Яманташ и другие возвышенности, покрытые густым лесом. За ними виднеется часть Долгоруковского нагорья, сзади которого прячется долина Салгира и выступает синий Чатыр-Даг. С этого же места, если поглядеть севернее, видны белые скалы над Баксанским ущельем; в них чернеют гроты, служившие людям жильем в период раннего средневековья, а в наши дни дававшие приют пастухам, охотникам и партизанам двух последних войн.

Еще первый исследователь древностей Крыма П. Кеппен в 30-х годах прошлого столетия писал, что стены на Караби и на других перевалах Главной горной гряды были созданы в период раннего средневековья обитателями побережья для обороны своей земли от врагов — хищных кочевников, захвативших степи предгорья. Оборонительный характер этих стен неожиданно подтвердился в период

Великой Отечественной войны, когда их остатки были использованы партизанами. В нескольких местах среди развалин древней стены над Суатом можно увидеть современные стрелковые ячейки — кое-как пристроенные к уцелевшим кладкам каменные гнезда. Над ними на ветвях буковых деревьев археологи нашли висящие, точно плоды, заржавленные гранаты, а на земле — множество позеленевших гильз винтовочных патронов. Стена Таш-Хабах и в наши дни послужила всему прямому назначению — борьбе с иноземными захватчиками. Найденные возле стены и при зачистке ее кладок листовидные накопечники средневековых железных стрел подкрепляют мысль Кеппена о ее далеком прошлом.

Пройдя над истоком Суата до подъема на гору Тырке, свернем с дороги, уходящей вниз вправо, и пойдем по скалистой горной тропе северным склоном горы до большого благоустроенного родника с громадным деревянным чаном и корытом для водопоя скота. Оттуда мы подыдемся на Тырке и пройдем по плоскогорью до перешейка между ней и горой Демерджи. Слева и справа — глубокие скалистые овраги: со стороны моря — Хапхал с каскадами Джур-Джур, давшими начало речке Улу-Узень, на которой стоит село Генеральское; со стороны Чатыр-Дага — Курлюк-Баш с речкой Курлюк, притоком Ангары, впадающим в нее в наиболее узком месте Ангарского ущелья (у остановки троллейбуса на шоссе Симферополь — Ялта).

По перемычке между оврагами проходит дорога с Долгоруковского нагорья, переваливающая через Тырке на Демерджи. На северной стороне Тырке, недалеко от лесного кордона Букового и пересохшего озера Ханлы-Гель, возле горы Замана, она пересекает стену, подобную описанной выше. Вторую такую же стену мы встретим на той же дороге в ущелье между Северной и Южной Демерджи. На повороте к с. Лучистому (б. Демерджи) ниже стены откроется слева грандиозный обвал над местом, где находилась ранее деревня. Дорога раздвоится внизу подле развалин крепости и остатков поселения с могильником X—XV вв. Левое ответвление пойдет в сторону Лучистого, правое — к шоссе, спускающемуся в Алушту с Ангарского перевала.

Желая попасть более коротким путем к Чатыр-Дагу, мы найдем спуск с плато Северной Демерджи прямо на перевал — к нему ведет правое ответвление дороги (сразу же за оврагом Курлюк-Баш), которое спускается с яйлы к подножию крутого и высокого утеса Пахкал-Кая (он же Иван-лысый). На его вершине, куда можно подняться по тропе, огибающей эту высоту с северо-востока, расположено укрепление VIII—X вв. с остатками небольшой часовни и заросшими травой едва заметными основаниями оборонительных стен. Напротив утеса в скалах Северной Демерджи есть пещера, незаметная, но просторная. К ней от подножия утеса приводит узкая крутая тропинка. В этой

пещере под руководством сотрудников Института археологии АН УССР алуштинские и симферопольские школьники, члены Малой академии наук (школьное научное общество), недавно провели археологические раскопки.

Пещера являлась одним из многочисленных в Крыму святилищ первобытного человека кизил-кобинской культуры (VII—VI вв. до н. э.). Видимо, для тех же целей она использовалась людьми начала нашей эры и раннего средневековья. Пещера МАН имеет два яруса, соединенных тридцатиметровой вертикальной шахтой. В нижнем зале — небольшой водоем, возле которого были найдены нетронутые костяки трех медведей, неизвестно как попавших в пещеру. Здесь же под отверстием колодца много разрозненных костей диких и домашних животных, черепки древней посуды. На стене слабо освещенного дневным светом верхнего зала высечен равноконечный крест; под ним до недавнего времени существовало вырубленное в мягком туфовом налете примитивное рельефное изваяние — подобие уродливого человеческого лица; ниже возвышается нагромождение каменных глыб, на котором были обнаружены обломки древних лепных сосудов. Все вместе взятое можно рассматривать как жертвенное место — алтарь первобытного религиозного культа охотников и скотоводов. Пережитки этого культа сохранились в среде коренных обитателей Таврики и в период раннего средневековья, так как в пещере найдены обломки амфор VIII—X столетий и датируемый ими культурный слой.

От пещеры и утеса Пахкал-Кая дорога идет по узкому хребту между Демерджи и Чатыр-Дагом; на его середине — Ангарский перевал и шоссе.

За постройками пансионата «Перевал» начинается трудный подъем на Чатыр-Даг со стороны Ангар-Буруна.

Ангарский перевал в период раннего средневековья был, как и все остальные, защищен длинной стеной и являлся одним из наиболее труднодоступных. Древние колесные дороги на южный берег, к средневековой крепости Алустон (Алушта), шли не через него, а по плато Долгоруковского горного массива и плоскогорью Демерджи, а также западнее Чатыр-Дага — через Кебит-Богаз. Ангарский перевал тогда был пригоден лишь для вьючного транспорта.

У впадения Курлюка в Ангару П. Кеппен в 30-х годах XIX в. еще видел кусок стены, перегораживавшей ущелье между отрогами Долгоруковского массива и Чатыр-Дагом. Позднее, в конце столетия, местный краевед учитель симферопольской гимназии Лапков описал второй отрезок той же стены, примыкавшей к восточным обрывам. Теперь камень древней стены давно разобран на другие постройки, и лишь с трудом удастся проследить ее ничтожные остатки.

Чатыр-Даг в археологическом отношении интересен своими

первобытными стоянками, а также гротами в обрывах над с. Мраморное (б. Бюк-Янкой) и др., где наряду со следами кизил-кобинской культуры (VII—VI вв. до н. э.) найдены остатки раннесредневековых поселений. Замечательная карстовая пещера Бинь-Ваш-Хоба (Тысячеголовая) дала пока случайные находки (пряжки, человеческие кости), которые наводят на предположение, что в ней находился средневековый могильник или было позднее святилище культа, связанного с человеческими жертвоприношениями. Однако чатыр-дагские гроты и пещера Тысячеголовая еще ожидают своих исследователей.

На западную сторону Чатыр-Дага можно попасть или прямо через его вершину Эклизи-Бурун, или по дороге вдоль западного склона (через Барсучью поляну и кордон Суат—Кринички), или, не подымаясь на плато, прямо с Ангарского перевала — по дороге вдоль южного склона Чатыр-Дага мимо так называемого Кутузовского водохранилища.

В урочище Ат-Чокрак под Эклизи-Буруном можно проследить остатки раннесредневекового поселения: здесь при вспашке земли под плантации лаванды (ниже родника) были найдены целые пифосы и обломки амфор VIII—X вв.

Севернее поляны и выше родника Ат-Чокрак дорога на кордон Суат пересекает остатки еще одной из длинных стен, известных П. Кеппену. Ее продолжение через перевал Кебит-Богаз по Коньку к скалам Бабугана разобрано до основания.

В 1947 г. стена под Эклизи подверглась археологическому обследованию; выявлена структура ее кладки, близкой по некоторым строительным особенностям к кладке ранних стен Эски-Кермена¹ (V в.), а у проема в стене найдены обломки гончарной посуды (к сожалению, мало выразительные) времени около рубежа нашей эры. Остатки подобных же стен были обнаружены и на других перевалах Главной гряды Крымских гор.

Некоторые из этих стен были и прежде известны исследователям. Иногда они принимали самые примитивные из них за оборонительные сооружения первобытных обитателей горного Крыма. Однако более пристальное и широкое изучение открыло кое-где несомненные следы ранневизантийской строительной техники². Из этого следует, что длинные стены на перевалах, быть может, появившиеся на рубеже нашей эры, позже не утратили свое значение — они долго поддерживались раннесредневековыми обитателями южных склонов крымских гор. Есть, однако, основания предположить и другое: а не были ли они

¹ См. очерк «Рядом с византийским Херсоном».

² Например, остатки кладок на растворе с цемянкой. Цемянка — измельченная в порошок керамика — служила гидравлической добавкой в известковый строительный раствор.

выстроены в период раннего средневековья с целью обороны побережья?

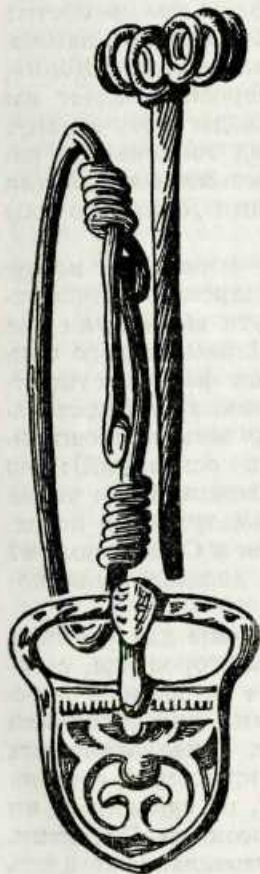
В первой половине VI в. нагнетание военной опасности со стороны кочевников степей и предгорья угрожало торговле Византии и ее стратегическим замыслам в Северном Причерноморье. Это заставило императора Юстиниана I принять серьезные меры для усиления позиций империи в Таврике, в результате чего и могли появиться укрепления горных перевалов.

СТРАНА ДОРИ

Прокопий Кесарийский, современник и придворный Юстиниана I, строитель его военных укреплений, оставил известие о том, что на побережье между Боспором и Херсоном были построены две крепости: Алустон (совр. Алушта) и «в Горзувитах» (Гурзуф). Юстиниан заключил и военный союз с обитателями некой «страны или области Дори», находившейся «тут же», между Херсоном и Боспором, и помог им воздвигнуть длинные стены, перегораживавшие проходы в эту страну. Лаконичное свидетельство Прокопия претерпело ряд толкований, настолько исказивших его понимание и запутавших весьма важный для истории средневекового Крыма вопрос о локализации Дори, что нам приходится остановиться на нем подробнее.

В 30-х годах прошлого столетия два автора — известный исследователь древностей Крыма Петр Кеппен и швейцарский путешественник Дюбуа де Монпере — независимо друг от друга выдвинули две разные гипотезы о местоположении страны Дори. Первый строго придерживался смысла слов Прокопия и подкреплял их фактом существования на перевалах горного Крыма остатков древних заградительных стен. Второй придавал тому же свидетельству весьма расширительный смысл и предположил (без достаточных оснований): не являются ли длинными стенами Прокопия те укрепления, в том числе и так называемые пещерные города, которые он осматривал в поездках по юго-западному предгорью между Бахчисараем и Севастополем? При этом и загадочная страна Дори, естественно, должна была попасть туда же.

Кроме стен на перевалах, Кеппен прослеживал еще две «линии» крепостей: одну в юго-западном предгорье (те самые городища, с которыми столкнулся Дюбуа де Монпере), вторую — на южном побережье. Кеппен не располагал данными, необходимыми для датировки этих укреплений. Лишь в результате современных археологических исследований стало ясно, что предгорная «линия» укреплений состоит из разновременных городищ, замков и монастырей, не связанных ни в какую систему и выросших независимо от Херсона и Византии. Южнобережная попросту не существует. В действительности здесь

две группы укреплений; одни, в большинстве возникшие не ранее IX в., стоят у самого моря, а другие, более поздние, отступают от него к северу. Ко времени же Юстиниана I и Прокопия (середина VI в.) относятся лишь две из прибрежных крепостей — Алуштинская и Гурзуфская.

В конце XIX и первой половине XX в. в трудах целого ряда авторов рассматривался вопрос о местоположении страны Дори. Однако эти труды, к сожалению, носили кабинетный характер, без достаточного археологического исследования горных и югобережных памятников, без учета топографии и географических условий полуострова. Юго-западное предгорье с отдельными горами-останцами, на которых расположены «пещерные города», постепенно из книги в книгу стало превращаться в сплошные горы, а Главная горная гряда с ее памятниками как бы перестала существовать; входы в широкие долины рек стали абстрактно восприниматься как «горные проходы». По отношению к местности восточнее Херсона — между современным Севастополем и Бахчисараем — стал неправильно применяться термин нагорье (ср.: Н. Н. Павлова. Физическая география Крыма. Л., 1964). Все это привело прежде всего к непониманию Кеппена — его три «линии» укреплений были смешаны в одну. Поскольку же между ним и Дюбуа де Монпере в свое время никакой полемики не разгорелось, теперь стало казаться, что ссылками на Кеппена можно подкрепить точку зрения Дюбуа. Подобное недоразумение повлекло за собой целый ряд неверных исторических построений, касающихся и более поздних периодов истории средневекового Крыма.

Именно таким путем, через переходившее из одного труда в другой отождествление длинных стен Прокопия с «пещерными городами» и превращение последних в мнимую византийскую заградительную линию вокруг Херсона А. Л. Яковсон (Средневековый Крым. М. — Л., 1964, стр. 11), повторяя ошибки своих предшественников, пришел к неправильной локализации страны Дори в районе Мангупа и Эски-Кермена.

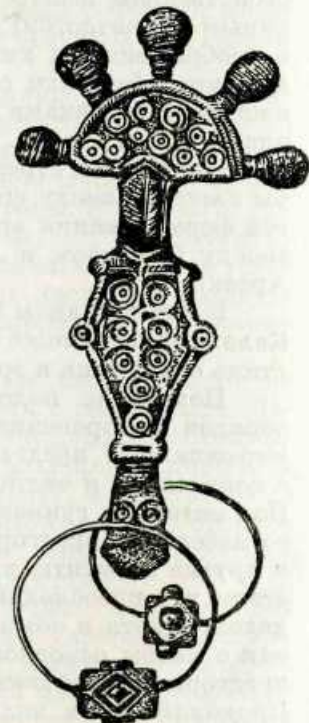
Однако в той же книге, как и в некоторых

своих статьях, он под давлением фактов, вскрытых многолетними полевыми исследованиями целой группы археологов, вынужден был, противореча самому себе (стр. 154), отказаться от основного для его концепции положения, что Суйренская крепость, Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале и пр. якобы являются длинными стенами Прокопия. Вопрос о том, где же эти стены находились и что собой представляли, А. Л. Яковсон оставил открытым. Но это, разумеется, не может спасти необоснованную локализацию страны Дори в юго-западном предгорье.

Точка зрения Кеппена, по которой страна Дори находилась на южных склонах Главной горной гряды, вполне согласуется со свидетельством византийского писателя и подкрепляется данными археологических разведок, проведенных за последние 10 лет. Природные условия местности, ее топография, характер археологических памятников без натяжек совпадают с описанием Прокопия. На всех перевалах Главной гряды к морю, как можно убедиться воочию, реально существуют остатки длинных стен. Это нечто вроде гигантских заборов поперек перевалов; их концы примыкают к непроходимым скалистым кручам и обрывам. Некоторые из таких искусственных преград, в зависимости от конфигурации перевалов, состояли из нескольких подобных сооружений.

Если учесть, что в средние века не было дорог, какие созданы теперь, то стены эти являлись серьезным препятствием и действительно могли представлять собой «систематическим образом устроенную оборону южного берега Крыма» (Кеппен).

Немногочисленные обломки керамики, найденные в развалинах длинных стен, позволяют датировать их лишь приблизительно временем не позже X в. Ведь возле стен на перевалах никто не жил, и поэтому с ними не связано никаких культурных отложений. Но, рассуждая логически, мы можем предположить, что сами стены относятся к VI в.: во-первых,

они явно оборонительного характера; во-вторых, налицо следы ранне-византийской строительной техники; а в-третьих, и это главное, они появились при такой исторической ситуации, которая сложилась лишь в это время и более не повторялась.

Мы потому уделили место освещению полемики вокруг страны Дори, что этот вопрос является одним из краеугольных для истории всего крымского средневековья. Ведь по свидетельству того же Прокопия, Дори была населена так называемыми готами, а это несомненно перекликается с тем названием «Готия», под которым средневековая Таврика фигурирует в ряде других источников.

На прибрежной полосе между Судаком и Балаклавой в разное время археологи изучали средневековые могильники. Некоторые из них относятся к какому-либо одному времени, другие содержат захоронения нескольких исторических периодов; среди них выделяются погребения с вещами так называемого «готского стиля», о котором говорилось в первом очерке этой книги.

Если в других местах Крыма можно проследить ранние фазы развития этого стиля, то на южном берегу он предстает в зрелом виде, свойственном вещам V—VI столетий — в частности, золотым, серебряным (с позолотой) или бронзовым фибулам (застежкам) и пряжкам с изображениями хищных птиц, змей, которые, по верованиям того времени, оберегали от «нечистой силы». Эти вещи украшены разноцветными вставками из драгоценных камней, силикатной пасты или пластинками стекла. Интересно, что подобные находки сосредоточены не на восточном отрезке указанной береговой полосы, как можно было бы ожидать ввиду его большей близости к Боспору — одному из очагов формирования «готского стиля», а посреди южного побережья — между Симеизом и Аю-Дагом, в основном возле Гурзуфа (Суук-Су, Артек).

В юго-западном предгорье некоторые могильники (Бакла, Чуфут-Кале и другие) тоже дают ряд вещей, представляющих псевдоготский стиль опять-таки в зрелом виде.

Появление подобных вещей, как и некоторых погребальных обрядов (захоронения в колодах, обкладка могил плитами и т. п.) в юго-западном предгорье и на южном побережье нельзя не связать с появлением и частичным оседанием в Крыму так называемых готов. Под натиском гуннов могло произойти перемещение части этого нового населения предгорья на южное побережье. Художественный стиль и другие элементы культуры, занесенные сюда потоком пришельцев, стали тут преобладающими, укоренились и в дальнейшем оказались надолго (хотя и номинально) связанными с представлением о «готах», как о якобы основном элементе смешанного населения юго-западного предгорья, гор и южного берега Крыма. Не этим ли объясняется, что Прокопий в VI в. видит готов в обитателях южного побережья, друже-

ственных Византии и враждебных ее недругам; не потому ли ко всей южной Таврике, включая юго-западное предгорье, на века пристает название «Готия»?

Свидетельство Прокопия, несмотря на всю его краткость, позволяет догадываться о многих сторонах жизни южного побережья в VI в. Перед нами встает картина родоплеменного строя, устойчивых патриархальных отношений, примитивного земледелия и полувоенного быта тех, кого Прокопий именует готами.

ОТ АЛУШТЫ ДО ЛАСПИ

От поляны Ат-Чокрак можно спуститься в Алушту по дороге, проходящей через с. Изобильное (б. Корбеклы). Не доходя села, недалеко от места слияния речек Софу-Узень и Улу-Узень, мы увидим под скалами Бабугана темный конус лесистой горы Чамны-Бурун. Ниже мелькнут острые скалы Ай-Иори — таврского убежища, позднее ставшего средневековым дозорным пунктом на пути с Кебит-Богаза к городищу на горе Сераус. Она тоже видна издали левее (т. е. южнее) и ниже Чамны-Буруна на фоне хребта Урага, который тянется к морю и седлу горы Кагель, возвышающейся западнее Алушты над самым берегом.

В Алуште прежде всего заслуживают внимания остатки средневековой крепости Алустон, построенной при императоре Юстиниане I около середины VI в. Позднее ее использовали генуэзцы. Она существовала до прихода турок, т. е. одновременно с Демурджийской крепостью, охранявшей с XIII в. дорогу из Алустона в горы. В районе алуштинского рынка сохранилась одна из четырех башен, недалеко от нее — остатки второй башни. Местами прослеживаются куски стен (как бы вмонтированные в современные ограды дворов) и крепиды террасированного склона горы, на которой расположена старинная часть города.

На горе Кагель сохранились остатки укрепления, овеянного легендой о царице Феодоре, якобы боровшейся здесь с генуэзцами. Легенда, являясь многослойным памятником устного народного творчества, в этом случае (как, впрочем, и во всех остальных) соединила в поэтическое целое отрывки разновременных сведений и исторических воспоминаний. Феодорой звалась византийская императрица, супруга Юстиниана, построившего Алустон. Много позднее генуэзцы, с трудом и немалой кровью захватив Судак, овладели и Алустоном.

Не исключено, что крепость Кагель, построенная, как полагают его исследователи, на развалинах позднеатавского укрепленного убежища, действительно была направлена против Алустона, ставшего генуэзским, и сдерживала агрессивные намерения или действия генуэзцев. Средневековые находки на горе Кагель близки именно к этому

времени (XII—XV вв.). Одновременное существование почти рядом двух больших крепостей могло иметь отчасти то самое значение, какое им приписывает легенда.

За Кастелью, в сторону Ялты, у шоссе возле с. Малый Маяк (б. Биюк-Ламбат, что в переводе, однако, означает большой маяк) возвышается усеченный конус горы Ай-Тодор¹, на которой сохранились остатки небольшого замка — фундаменты двойного кольца оборонительных стен и церкви над обрывом. В низине, к юго-западу от укрепления, в 1957 г. были раскопаны остатки большой средневековой винодельческой усадьбы с огромными (около 2×1,5 м) орнаментированными красноглиняными пифосами. Усадьба была открыта при плантажных работах на современном винограднике между подножием горы и селом, которое, кстати сказать, до сих пор хранит отпечаток средневековья в планировке и архитектуре отдельных домов.

За замком Ай-Тодор к западу открывается вид на гору Аю-Даг. Ее средневековые памятники издавна привлекают внимание археологов. На выступающем в море мысу Аю-Дага есть остатки небольшой раннесредневековой часовни, которая, как это нередко бывало, могла служить маяком для плававших вдоль берега кораблей.

Значительно выше, на юго-восточной стороне Аю-Дага, у дороги, которая сюда ведет, имеются остатки целой группы больших, капитально выстроенных зданий. По преданию, тут находился монастырь. У подножия горы на месте нынешнего пос. Фрунзенское (б. Партеит) находятся остатки целой группы средневековых поселений и нескольких могильников. У дороги к селу на склоне горы стояла большая базилика с усыпальницами. Одна из них сохранила надпись X столетия, которая называет имя епископа готского Дамиана и свидетельствует о восстановлении в X в. храма и монастыря, основанных в VIII в. самим «святым» Иоанном (тоже епископом готским). Эти сооружения были разрушены во время охвативших всю Таврику вооруженных столкновений с хазарами.

ТАВРИКА В ПЕРИОД БОРЬБЫ С ХАЗАРАМИ

В VIII—X вв. Византийская империя вела войну на два фронта. С одной стороны, никак не угасала борьба со славянскими племенами, с другой — саму империю раздирали внутренние политические и религиозные распри между правительством и феодалами, идеологом которых являлась церковь в лице крупных богатых храмов и монастырей. Борьба императорского абсолютизма с феодалами вылилась в

идеологические разногласия (так называемое иконоборчество, отвергавшее почитание икон и церковных реликвий), за которыми следовали административные меры и вооруженные столкновения. Значительная часть гонимых иконопочитателей нашла приют в Таврике — прежде всего на побережье. Епископ Иоанн, ярый иконопочитатель, был, естественно, врагом византийского иконоборческого правительства и императора. А поскольку Византия в это время уже искала союза с недавним противником — хазарами, ловкий политик Иоанн, по-видимому, стремился вбить клин между хазарскими и византийскими властями в Крыму. Он воспользовался антихазарскими настроениями народа и в 717 г. разжег восстание, которому, по церковным источникам, он сумел придать антиконоборческую окраску. Таким образом, народно-освободительные мотивы восстания были по существу подменены: его содержанием стала идеологическая и вооруженная защита феодализма, которому служила церковь.

Однако достаточная веротерпимость хазар и, видимо, слабая в тот момент озабоченность Византии делами далекой Таврики — «Готии» привели к возможности сговора местной знати с хазарскими властями. Епископу дали возможность спастись бегством за море, а восстание было потоплено в крови его участников. Сквозь агиографическое оформление событий в «Житии Иоанна Готского» и обычную идеализацию образа «святого» отца церкви проглядывает и социальная подкладка восстания и мало симпатичные черты самого Иоанна, который обманул и предал народ, вставший на борьбу против поработителей.

Бесславный разгром восстания и бегство его вождя не только пошатнули в глазах населения горного Крыма престиж церкви (на это жалуются церковные деятели VIII в.), но и нанесли удар по ее стремлениям верховодить в мирских делах.

В горной Таврике не создалось церковно-феодалного государства, подобного, например, Черногории, где в течение столетий духовный глава — митрополит одновременно выполнял функции светского правителя и военного вождя. Со времени разгрома восстания церковь заняла по отношению к местной военной знати подчиненное положение.

В VIII—IX вв. ослабление влияния Византии в Таврике — «Готии» привело к тому, что эта территория осталась на время предоставленной самой себе. Одни из городищ предгорья, лучше других укрепленные и стратегически выгоднее расположенные, то ли устояли, то ли были использованы хазарами (Мангул); другие гибли (например, городище на высоте Пампук-Кая над Бельбеком), третьи утрачивали былое значение (Эски-Кермен). Разрушение длинных стен на перевалах, происшедшее, насколько можно судить, в тот же период, могло явиться результатом сражений повстанцев с хазарами и успеха последних.

¹ Не путать с мысом того же названия близ Гаспры.

Вместе с длинными стенами окончательно исчезает со страниц истории и страна Дори, замкнутый отсталый район, в котором под византийским протекторатом как бы консервировался застарелый родоплеменной строй.

В период раннего средневековья в этих местах задавали тон греки, занимавшиеся рыболовством, садоводством и виноградарством, ремеслами, корабельным делом, морской торговлей. Рост их поселений, появление приморских «торжищ» (по выражению одного из средневековых письменных источников) явились толчком извне, который ускорил разложение общинного строя коренных обитателей побережья и южных склонов гор.

Не случайно вышеозначенные богатые могильники с варварскими драгоценными вещами псевдоготского стиля сосредоточены в этих же местах; видимо, к ним тяготела местная знать, быть может, состоявшая в основном из пришельцев — «готов». Хорошо вооруженные и более организованные в военном отношении, чем местные племена, «готы» могли на время подчинить аборигенов своей власти, прежде чем этнически и культурно раствориться среди них.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЮЖНОБЕРЕЖНОГО МАРШРУТА

У самого моря на западном склоне Аю-Дага — на территории Артека — в 1963 г. при деятельном участии пионеров были исследованы развалины большого поселения, которое возникло около времени Юстиниана I и просуществовало до XV в. Оно было оставлено людьми, по-видимому, после того, как огромный оползень сбросил в море более половины домов. Сохранившаяся часть поселения придавлена каменными глыбами, под которыми погибли многие жилые и хозяйственные постройки. При массовых зачистках удалось выявить очертания улиц, ограды дворов, стены зданий. Обнаружены две кузнечные мастерские, где изготовляли железные якоря и металлические детали корабельной оснастки. Найден и некрополь поселения с фундаментом небольшой церкви. Мощный (до 2 м толщины) слой культурных отложений перекрывает кладки нескольких строительных периодов, во время которых планировка поселения оставалась неизменной, несмотря на многочисленные перестройки жилых домов.

Дома были разных размеров (самые крупные 15×18 м), многие из них имели стены толщиной без малого около метра. Возможно, что эти дома имели вторые этажи. Террасы и улицы расходились радиально от центра поселения, где стояли наиболее крупные постройки. Дома и хозяйственные помещения были окружены дворами: усадьбы располагались не скученно, но и без разрывов между собой.

При раскопках собрано множество обломков посуды всех перио-

дов средневековья от V—VI до XIV—XV вв., в том числе и поливной привозной, и амфор, и пифосов разных форм и размеров. Найдены также рыболовные грузила из просверленных галек и большое количество рыбных костей. Выделяются кости крупных осетровых рыб и камбалы, раковины мидий и устриц, встречаются побывавшие в огне клешни и панцири крабов. Почти нет костей домашних животных.

Во дворах многих домов (и выше поселения) сквозь завалы камней и щебня пробилась и растут старые инжирные и оливковые деревья, крупноплодная рябина, виноградные лозы. При обследовании их кафедрой садоводства и виноградарства Крымского сельхозинститута выяснилось, что это поросль от корней средневековых деревьев и лоз, в свое время придавленных обвалом и все-таки не погибших. На территории поселения (вообще сильно заросшей) много старых и одичалых кековых деревьев. Из их плодов в свое время приготавливали масло, пригодное в пищу и для технических целей; смолу же их применяли в корабельном деле.

На самой вершине Аю-Дага к северу от заросшего лесом, а местами открытого, урочища с хорошим пастбищем и родником (когда-то постоянным, а теперь пересыхающим уже в начале лета) сохранились развалины большого укрепления, примитивно сложенного из необработанных камней. Оно имеет форму неправильного кольца, образованного стеной толщиной около 3 м и длиной более 250 м. С внутренней стороны стены — ряд прямоугольных пристроек, которые, судя по толщине их кладки (менее 1 м) и незначительному раскату камня, были невысокими. Никаких археологических находок укрепление не дало, хотя его обследовали неоднократно. Сооружение это пока остается загадкой: о его дате и назначении высказываются весьма различные суждения.

Наиболее распространенным и романтическим является предположение о принадлежности Аю-Дагского укрепления таврам. На эту мысль наводят и примитивность каменной кладки, и относительное соседство с таврским могильником и поселением III—II вв. до н. э. Однако примитивность сооружения не является датирующим признаком и ближе к укреплению находятся не таврские, а раннесредневековые постройки на самой горе.

Трудно сказать, к какому именно времени можно отнести предполагаемые убежища тавров южного побережья — и на Кастель-горе близ Алушты, и на скале Исар-Кая в Гаспре, и на горе Крестовой над Алушкой, и на горе Кошка у Симеиза... Однако именно на этих местах в IX—X вв. стояли мощные укрепления. По ряду внешних признаков можно понять, что замена едва усиленного примитивной кладкой естественного убежища замком или городищем со стенами и башнями в каждом случае происходила не сразу, а через несколько строительных периодов, вызванных не только военными разрушениями, но и

развитием фортификационной мысли и строительного дела. Вместе с тем в средневековом каменном зодчестве Таврики очень долго сохраняются самые древние строительные традиции — кладка насухо, подбор камней вместо их обработки, использование естественных глыб и завалов, скругление углов вместо их вязки и прочее. Детальное исследование и периодизация подобных памятников в настоящее время только начаты.

В VI—VIII столетиях в стороне от Алустана и Горзувит мы еще не находим остатков каких-либо фундаментальных укреплений и поселений с долговременными каменными постройками. Поблизости же от этих византийских крепостей (особенно на хорошо защищенном берегу между ними) выросли поселения, многие из которых продолжают жить до наших дней. Таковы Горзувиты (Гурзуф), Артек, Партеит (Фрунзенское), Биок-Ламбат (Малый Маяк) и другие.

Археологические раскопки 1959 г. на восточной окраине Гурзуфа открыли большую базилику VI в. и остатки жилых домов. На скалистой высоте, выступающей в море, под стенами генуэзско-турецкой крепости в 1963 г. обнаружены основания юстиниановского укрепления. Склон этой высоты от подножия крепости к бухте был в свое время укреплен террасами и тесно застроен жилыми домами, на остатках которых существуют постройки современного Гурзуфа. Курортный поселок кое-где даже сохранил средневековую планировку улиц, а черепки посуды, амфор, пифосов буквально усеивают береговые тропы, встречаются во многих дворах и на галечном пляже бухты.

Над Гурзуфом, рядом с приморской крепостью, на окраине с. Краснокаменка (б. Кизил-Таш) возвышается большая скала Кизил-Таш (Красный камень), известная также под названием Гелин-Кая. На ней — остатки небольшого замка, когда-то, по-видимому, охранявшего путь на перевал Гурзуфское седло. Сохранились основания оборонительных стен и каких-то построек внутри них; видны устои ворот, на подступах к которым отдельно стоит квадратная в плане башня.

Укрепление Гелин-Кая датируется временем не ранее XII—XIII вв. Непосредственная близость его к Гурзуфской крепости опять наводит на мысль о какой-то сложной и двойственной военно-исторической ситуации на южном побережье в период зрелого средневековья (вспомните Алустан, Капель и Демерджи).

Такую же картину мы увидим и к юго-западу от Гурзуфа: укрепление на мысе Мартыан (Никитский ботанический сад), а над ним — восточнее Никиты (справа от шоссе, если ехать в Ялту) — возвышается более поздняя крепость Палеокастрон; такую же пару составляют укрепления Массандровское и Учан-Су-Исар близ Ялты; ниже Гаспры — остатки средневековой крепости на мысе Ай-Тодор (между Ласточкиным гнездом и санаторием Харакс, близ одноименной древ-

неримской крепости), а над Гаспрой, на месте карьера завода железобетонных изделий, — дозорное укрепление Исар-Кая, которое было, видимо, связано (так же, как Ай-Иори и Сераус) с большим городищем на горе Крестовой над Алушкой. Таким образом, укрепления, описанные Кепеном, идут не одной, как казалось ему, а двумя линиями, расположенными одна над другой.

Укрепление Исар-Кая было в 1961—1962 гг. исследовано полностью. На его труднодоступной вершине найдены следы таврского убежища — керамика, которую можно отнести ко времени поздней бронзы и раннего железа; тут же на краях обрыва были кучи морской гальки двух сортов: мелкие для пращи и более крупные для метания по приближавшемуся противнику. Верхние отложения грунта на утесе изобиловали керамикой двух периодов — VIII—X и XII—XIV вв. н. э.

Раскопки на Исар-Кая открыли остатки здания последнего периода. Оно состояло из четырех помещений — одного хозяйственного (кухня-кладовая) и трех жилых, из которых два были предназначены для целой группы людей (сохранились следы нар), а третье (с более благоустроенным очагом) служило жильем одному или двум лицам. К зданию примыкал

открытый на юго-запад навес; за тремя его стенами находилась железодельная мастерская. Открыто основание круглой горновой печи, найдены шлак, обломки печины, кричное железо, полуфабрикаты изделий и сами изделия — железные наконечники стрел, а также целый набор оселков. Видимо, небольшой гарнизон этого укрепления в мирные дни не сидел сложа руки, а готовил для себя оружие.

В глубокой и просторной щели, расколовшей надвое утес (возможно, в результате землетрясения), обнаружены стены двух жилых и хозяйственных помещений, пещерная кладовая с пифосами и следы еще двух более поздних горновых печей. С южной и восточной сторон к утесу примыкала площадка, укрепленная стенами (своего рода двор крепости) и снабженная большой цистерной для воды. Время устройства этих второстепенных сооружений устанавливается многочисленными находками, в том числе монетой XII столетия. В XIV в. укрепление было заброшено, а в XV в. снова некоторое время использовалось в качестве убежища и дозорного пункта.

На юго-западном склоне, непосредственно под утесом Исар-Кая, были открыты многочисленные сельскохозяйственные усадьбы того же времени, а ниже, рядом с Гаспррой, — остатки более раннего поселения VIII—X вв. Укрепление рядом с Хараксом у Ласточкина гнезда, «парное» с Исар-Кая, относится к X—XIV вв.

Своеобразная «спаренность» приморских и горных укреплений наблюдается и далее к юго-западу: у Симеиза (Панеа — на берегу и укрепление на горе Кошка), а также в районе Голубого залива (укрепление на мысу Кикенеиз и Биюк-Исар возле с. Оползневое). Такую же пару, по-видимому, представляли собой Кастропольская крепость у моря и Кучук-Исар у перевала Шайтан-Мердвень над саторием «Мелас».

ЗАБЕГАЯ НЕМНОГО ВПЕРЕД

Попытаемся объяснить причины, вызвавшие это явление. Прежде всего обратим внимание на два исключения из правила — укрепления западнее Фороса: в Ласпи и на мысе Айя.

Миниатюрное укрепление в Ласпи на скале Ильяс-Кая и неприступная крепость Кокия-Исар на мысе Айя стоят непосредственно над скалистым берегом, и ни одно из них не имеет прибрежного «двойника». Между этими укреплениями раскинулась живописная котловина Ласпи, где обнаружены остатки шести средневековых поселений, могильник, три храма и следы целого ряда разбросанных по урочищу средневековых усадеб. Здесь же найдены остатки железодельного производства и керамические печи, вырабатывавшие глину (плоский кирпич) и черепицу.

Северо-западнее Ласпи и береговых утесов мыса Айя лежит урочище Кокия с развалинами небольшого средневекового поселения. За хребтами к северу от Кокия, у дороги на Севастополь, расположен целый ряд современных сел: Гончарное (б. Варнаутка), Резервное (б. Кучук-Мускомья) и другие, основанные на остатках средневековых поселений. Далее к Херсонесу — снова два «парных» укрепления — приморское Чембало и горное Камара, значение которых вполне ясно: большая крепость у моря принадлежит генуэзцам, а ей противостоит дозорное укрепление, охраняющее дорогу в долину р. Черной и проход в Байдарскую долину с ее поселениями. Ту же роль играют и Чернореченский исар в районе Мангупа—Феодоро, Сарджик на реке Черной близ Алсу (совр. Морозовка) и крепость Каламита в устье этой же реки (ее описанием начинается глава «Рядом с византийским Херсоном»). Все четыре укрепления могли нести дозорную службу против генуэзцев, угнездившихся в Чембало и отсюда начинавших свою агрессию в юго-западные районы полуострова. Такая же роль могла принадлежать и всему «второму эшелону» крепостей южного побережья. Разумеется, подобная ситуация возникла не сразу, а сложилась в течение одного-полтора столетий.

ОТ БАСМАНА ДО БОЙКИ И БОГАТОГО УЩЕЛья

Прежде чем покинуть южное побережье и перейти к ознакомлению со средневековыми памятниками на северной стороне Крымских гор, необходимо бросить взгляд на ту историческую картину, которая возникла здесь после того, как была стерта граница, в VI в. делившая Таврику на два почти чуждых друг другу района. Сопоставляя средневековые древности на обеих сторонах Главной горной гряды, видим, что с конца IX в. вся Таврика охвачена единым и синхронно протекающим во всех ее углах историческим процессом, ярко запечатленным в этих памятниках.

На южном побережье Крыма, на всем пространстве между морем и обрывами Главной горной гряды, с конца IX в. вырастают укрепления, во многом напоминающие феодальные замки Балкан и Кавказа. В то же время они отличаются стратегическими и строительными особенностями, выдающими их родство с примитивными древними убежищами, на местах которых они по всей вероятности выросли.

В IX—X вв. появляются два вида таких укреплений. Одни из них весьма велики и находятся в относительно безопасных местах, а иногда заключают в себе второе внутреннее укрепление — своего рода кремль (например, Кафель близ Алушты или городище на горе Крестовой над Алушкой). Другие — небольшие — стоят на отдельных

утесах-отторженцах (например, Исар-Кая в Гаспре, Учан-Су-Исар близ Ялты, Ай-Тодор близ Алушты, Биюк-Исар у с. Оползневое и др.). Все они расположены на узлах проезжих дорог, при выходах из больших ущелий к морю или вблизи основных горных перевалов (Пахкал-Кая, Сераус, Кучук-Исар и т. д.). Памятники эти одновременны, связь же между большими городищами (типа Алушкинского исара), открытыми поселениями, расположенными вокруг них и мелкими дозорными пунктами, как, например, Гаспринский исар, не вызывает сомнений. Последние охраняли подступы к большим урочищам, где группировались сельскохозяйственные поселения. Подобные группировки возникали, по-видимому, стихийно.

Район верховьев Качи и Бельбека изобилует аналогичными памятниками, характерными для Таврики переходного периода между ранним и зрелым средневековьем (VIII—XI вв.). Из них наиболее любопытен комплекс древностей Басмана, недавно исследованный археологическим отрядом Комплексной карстовой экспедиции АН УССР.

Басман — один из наиболее крупных отрогов Главной горной гряды — выступает на север от вершины Кемаль-Эгерек и разделяет два верхних притока реки Качи: с северо-востока Басман омывает Донга, а с юго-запада у его подножия простирается долина речки Каспаны. Эту долину как бы отгораживает от верховьев Бельбека длинный продолговатый водораздел, северный конец которого теряется в холмах предгорья, а южный, примыкающий к Главной горной гряде, увенчан большим каменным утесом Яманташ. Это огромный отторженец, высящейся над ним горы Оксек.

Узкое, глубокое и темное русло Донги густо заросло вековым лесом, а солнечная долина Каспаны полна благоухающих полуодичалых садов, но теперь безлюдна; современные села разместились ниже. Они стоят на остатках предшествовавших поселений, иногда весьма древних — таврских, а затем средневековых (но в большинстве не ранее X в.). В долине Каспаны также встречаются следы средневековых усадеб, которые стояли подобно небольшим хуторам на невысоких всхолмлениях. Все они, судя по археологическим находкам, относятся к XII—XIV вв.

В более ранний период средневековья были обжиты в основном не долины, а отроги Главной горной гряды, в том числе и Басман.

Попасть на Басман можно через заповедник, пройдя кордон «Олений» (на р. Япалах) и пос. Крымский, откуда можно автобусом, идущим на Бахчисарай, проехать к Донге и, не доезжая до с. Шелковичного (б. Коуш), сойти у ответвления дороги, которая, минуя огороды на левом берегу реки, ведет на Басман. Можно подъехать к этому месту и со стороны Шелковичного тем же рейсовым автобусом (Бахчисарай — пос. Крымский).

Дальше сбиться с пути трудно, так как хорошо промаркирован-

ная дорога ведет прямо к туристскому приюту у родника на поляне Кермен. Последняя получила свое название от находящейся рядом с ней средневековой крепости (X—XV вв.) на утесе Кермен-Кая, отделенном от поляны балкой и ручьем Хури, который впадает в Донгу.

На туристской поляне и вокруг нее в колючих зарослях кустарника можно уловить следы небольшого средневекового поселения: проглядывают фундаменты построек, угадываются заросшие остатки крепид, террасировавших склон. По археологическому материалу, полученному путем шурфовки, поселение можно отнести к тому же времени, что и крепость.

На территории укрепления Кермен-Кая при зачистке оснований оборонительных стен и башен, наряду с обломками разнообразной гончарной посуды (в том числе и херсонской), были найдены куски железного шлака, обломки кричного железа, пережженная печина и другие остатки средневекового кузнечно-литейного производства, подобного гаспринскому. Найдено тут и сырье — крупные тяжелые железистые конкреции, вымываемые водой из известняков и оседающие в верховьях рек.

В период раннего средневековья, т. е. до X в., поселение и крепость еще не существовали. В это время использовались для жилья пещеры на северо-восточных обрывах Басмана. Тропа к ним идет мимо памятника на могиле партизанского командира Кривошты, чей отряд стоял на Басмане в полуразрушенных теперь землянках (в лесу, у второго источника, при дороге на Кемаль-Эгерек). Пещеры снабжены номерами, нанесенными синей краской в период работ археологической экспедиции. Наиболее интересны из них пещеры № 7 и 5. Обе они лучше других сохранили следы приспособления под жилье. В этих сухих пещерах работы было немного: выравнивался пол, передняя часть площадки грота укреплялась подпорной стеной или барьером. Иногда широко открытая сторона грота закладывалась стеной (в которой, разумеется, имелись проемы), на нее опиралась кровля, расширявшая и дополнявшая естественный навес скалы. Гнезда для стропил над аркообразными отверстиями гrotто являются следами устройств, увеличивавших полезную площадь. В пещере № 7 сохранились остатки очага, подле которого при раскопках были собраны обуглившиеся зерна пшеницы и других злаков.

В пещере № 5 найдены мелкие жернова и зернотерки. Тут же стояли пифосы и амфоры: их крупные куски (в том числе и днища *in situ*) зачищены при раскопках. Были найдены и разные мелкие вещи: костяные рукоятки ножей, сами железные ножи, оселки и пр. Костяной наконечник стрелы из пещеры № 5 — листовидной формы и тех же размеров, что и современные ему железные наконечники — говорит о высокой ценности металла в тот исторический период: люди по возможности стремились использовать и другие материалы.

В тех же пещерах был вскрыт слой культурных отложений с золой и углями, керамикой и невиданным в долинных поселениях множеством костей домашних животных.

Между пещерами на обрыве когда-то висели деревянные галереи и лестницы: видны следы выбитых в скалах гнезд для балок и косых подпорок. Система таких лестниц выводила наверх на край обрыва. Здесь, непосредственно над жилыми пещерами, возвышается мощная стена — Басманский исар, который был известен Кеппену. Концы этого подковообразного сооружения почти примыкают к обрыву. Стена толщиной в 160—180 см сложена из необработанного дикарного камня: укрепление очень напоминает по кладке и размерам (ок. 75×55 м) Джалманское, Карагачское и другие позднескифские и таврские укрепления первых веков нашей эры. Есть в ней и нечто сходное с теми исарами — на Аю-Даге и в других местах южного побережья, которые часто (не без некоторых оснований) связывают с таврами.

При неоднократных зачистках и шурфовках укрепление на Басмане не дало никакого археологического материала, как и многие позднескифские убежища в предгорьях Крыма. Однако, учитывая местоположение Басманского исара над комплексом жилых пещер, можно предположить, что это укрепление использовалось для их защиты. Ведь они были уязвимы только сверху. Возможность нападения на пещеры снизу — в лоб или с флангов — была исключена, так как у подножия обрыва под самой скалой проходила лишь узкая, местами подкрепленная кладкой тропа, на которой с трудом могут разойтись двое встречных; ниже тропы круто падает в русло Донги весьма длинный и поросший лесом склон.

Если такое соображение справедливо, то им, конечно, еще не исчерпывается вопрос о времени возникновения данного исара и других ему подобных. Пещерное поселение не докопано до конца: быть может, нижние его слои в пещере № 5 придавлены огромным глыбовым завалом, который там обнаружен. Если под завалом окажутся более ранние культурные отложения, то исар можно будет с таким же основанием относить и к периоду, предшествовавшему поселению VIII—X вв.

В сырой и, как считают карстологи, некогда обводненной пещере № 5 люди жили в каменной хижине, построенной в относительно светлой и сухой привходовой части пещеры. В X в., когда все поселение было оставлено людьми, перешедшими на юго-западный склон Басмана, на месте хижины была возведена часовня, а вокруг нее возник небольшой христианский некрополь. Его погребения полностью исследованы. Здесь было найдено надгробие XII—XIII вв. Другие находки говорят о том, что храм в пещере часто посещался и, по-видимому, являлся местной святыней. Разрушен он был землетря-

сением, потрясшим Крым в самом начале XV столетия (о землетрясениях не раз свидетельствовали археологические и письменные источники). Катастрофа принесла человеческие жертвы — в глубине пещеры, у воды, был обнаружен костяк человека, раздавленного рухнувшей на него глыбой.

Пещеры Басмана овеяны легендой о золотой колыбели, будто бы спрятанной в их глубине и охраняемой неумолимыми духами гор. По легенде, колыбель являлась родовой реликвией князей и священной эмблемой подчиненного им племени. Вероятно, и в этом случае, как всегда, легенда поэтизирует и соединяет с фантастическим вымыслом подлинные события (с этой стороны она заслуживает внимания историков).

Оборонительные преимущества Басмана и скрытность его местоположения привлекли раннесредневековых обитателей Таврики в тот период хазарского нашествия, который последовал за поражением восстания Иоанна Готского. Заметим, что они же были оценены и партизанами Великой Отечественной войны, которые не только стали хозяевами поляны Кермен и всего юго-западного склона хребта, но и использовали его пещеры. Кое-где и сейчас еще заметны следы партизанского быта: например, в пещере № 5, прохладной и наиболее укромной, были «забазированы» продовольствие и боеприпасы. Словом, тут как и на Таш-Хабахе Караби, сходная военная ситуация повлекла за собой и похожее использование природных условий.

Ощутимые следы современности на Басмане перекликаются с образами далекого прошлого. Легенда, археологические памятники, недавняя быль — все делает более близкой и понятной жизнь древних людей, подобно нам оборонявшихся здесь от поработителей своей родины.

Разумеется, сказанное не следует понимать буквально. Неизмеримо далеки от исторической обстановки VIII—X вв. масштабы и социальная обусловленность современных нам событий. Тем не менее люди того времени были такими же людьми, как и мы. На Басмане это можно ощутить сильнее, чем где бы то ни было.

В шести километрах к юго-западу от Басмана на уже упоминавшемся утесе Яманташ в 1962 г. изучалось небольшое дозорное укрепление, похожее в своей основе на Гаспринское, но просуществовавшее дольше него и приобретшее черты феодального замка. Здесь тоже обнаружены обильные остатки интенсивного железодельного производства. По найденной в шурфах керамике укрепление можно датировать X—XV вв. (как и Кермен-Кая). Стоит этот замок недалеко от мощного источника на скрещении древней (на ней найдены обломки кремневых орудий) скотогонной тропы на яйлу с дорогой, которая идет из верховьев Бельбека в долину Каспаны.

За Яманташем темнеет пятиглавая Бойка. Пять ее вершин —

Куш-Кая, Караул-Кая, Сотира, Богатырь и Курушлюк — сливаются в единый силуэт, напоминающий гигантскую хищную птицу, простершую крылья над истоками Бельбека и Коккозской долиной.

Со стороны Бельбека и Ялтинской яйлы на подступах к Бойке есть два до сих пор не изученных укрепления — замок на скале Кипиа над с. Счастлиное (б. Биюк-Узенбаш) и маленькая сторожевая крепостца у дороги из с. Многоречье (б. Кучук-Узенбаш, затем Ключевое) к перевалу Лапата-Богаз. Оба села стоят на остатках средневековых поселений.

Бойка отделена от Главной гряды гигантской щелью Большого каньона. На Бойку ведут дороги и тропы от сел Многоречье, Счастлиное, Богатырь. Можно попасть на нее и сверху, с яйлы, по дороге, идущей мимо горы Эндека по западному склону Куш-Кая. Между вершинами Бойки, на перевалах, имеются остатки заградительных стен, выстроенных в тех же традициях, что и длинные стены на Главной горной гряде. Кроме того, Бойка имела с западной стороны два небольших дозорных укрепления: «нижнее» — на одной из скал хребта Курушлюк и «верхнее» — на самом хребте.

В труднодоступном урочище, каким являлась Бойка, археологи открыли остатки шести средневековых поселений X—XV вв., жители которых занимались в основном земледелием. На седловине между Сотирой и хребтом Курушлюк, где проходит крутая тропа (а в древности серпантинном вилась колесная дорога), были зачищены и частично раскопаны руины трехабсидного храма. Раскопки храма позволяют понять, почему большая гора, на седле которой он стоит, называется Сотира (по-гречески — Спаситель): вероятно, так назывался и этот храм. По тому времени он являлся одним из самых крупных в Крыму (около 18×27 м). Он был построен из тяжелых глыб дикарного камня. Его пол выстлала плиты разноцветного, как мозаика, местного конгломерата. Храм был перекрыт рухнувшими теперь арками и сводами из легкого известкового туфа, а для кровли вместо черепицы были применены гладкие песчаниковые плиты. Обнаружены и остатки окружавших храм жилых построек, а также следы оживленной хозяйственной деятельности их обитателей.

Богатство и значение храма Спаса на Бойке подчеркивают не только его величина, архитектура и местоположение в центре группы поселений, но и находки дорогой привозной посуды, видимо, херсонского и малоазийского происхождения, резные надгробия, большие орнаментированные пифосы и прочее.

Вероятно, храму Спаса принадлежала кузнечно-литейная мастерская, открытая рядом с ним у дороги на седле Сотире. Не в связи ли с этим на Бойке наряду с сельским хозяйством был широко распространен угольный промысел, следами которого являются много-

численные углеобжигательные ямы, заросшие дубами, которым уже не одна сотня лет?

Так как на Бойке, замкнутой со всех сторон, отсутствуют признаки каких-либо внутренних сооружений типа замка или цитадели, можно сделать вывод, что хозяином Бойки являлся большой храм, настоятель которого, вероятно, управлял поселениями урочища, ведал их обороной и т. д.

Бойка как церковно-феодалный удел прожила долго, вплоть до прихода турок. Местная легенда повествует о трудной и долгой осаде ими Бойки, которая, по словам легенды, была «большим городом». Известный исследователь средневекового Крыма Н. И. Репников высказал предположение: не является ли название Бойка синонимом «почтенной Пойки», упомянутой в одной из надписей Мангупа (XIV в.)?

Неподалеку от Бойки, к западу, под утесом Сюрюю-Кая, где сохранились остатки замка X—XIII вв. с четырехугольной башней-донжоном и двойным кольцом боевых стен, было расположено поселение с маленькой церковью того же времени. Среди ее развалин найден камень с надписью, упоминающей Феодоро, т. е. Мангуп. Связь данного района и его средневековых памятников с Мангупом не вызывает сомнений.

Утес и замок Сюрюю-Кая с южной стороны огибает дорога на лесной кордон «Чайный домик». Оттуда — налево — дорога в урочище Ай-Димитрий, с остатками небольшого храма и поселения, направо — к известному туристам полуразрушенному бельведеру «Орлиный залет» (одна из скал массива Седам-Кая). Под «Орлиным залетом» в гроте Данильча-Коба обращают на себя внимание остатки какой-то постройки. Здесь, как и в пещерах Басмана, обнаружен культурный слой с костями животных и черепками средневековой керамики времени хазарского нашествия.

Из Урочища Ай-Димитрий можно попасть в Байдарскую долину или в Богатое ущелье, простирающееся с северо-западной стороны Седам-Кая. С юга ущелье как бы охраняет отдельно стоящий утес Сандык-Кая, под которым находится перевал дороги из урочища Ай-Димитрий в с. Поляна. На утесе сохранились руины стен, башен и других построек замка, подобного Сюрюю-Кая. Внизу, на северных склонах Седам-Кая, у современного с. Поляна заметны остатки разбросанных на широком пространстве усадеб средневекового Маркура. Некоторые жители села используют в своем хозяйстве пифосы и кувшины X—XIII столетий, случайно выкопанные на огородах.

К северу и северо-западу от Богатого ущелья расположены еще два средневековых укрепления: Пампук-Кая над с. Голубинка (б. Фоти-Сала) и Керменчик — между с. Пещерное (б. Ашага-Керменчик) и с. Высокое (б. Юхары-Керменчик).

Чтобы полностью разобраться в памятниках, беглый обзор которых мы совершили, необходимо помнить, что все они многослойны. Поэтому отпечаток более поздних периодов способен заслонить в них менее свежие черты раннего средневековья. Между тем, в этих памятниках, как в зеркале, отражен тот процесс, в силу которого Таврика в X в. (и позднее) предстает как «Готия» — страна с более или менее определенными территориальными границами, феодальным строем и оригинальной, но отнюдь не готской культурой.

ФЕОДАЛЬНАЯ ТАВРИКА

Победа хазар над повстанцами и агрессивный характер их владычества в Крыму вызвали, судя по археологическим данным, глубокий перелом в хозяйственной деятельности, быте и культуре значительной части населения предгорных районов и южного побережья Крыма. Речные долины в юго-западном предгорье заметно пустеют. С VIII до X вв. здесь почти не остается открытых земледельческих поселений, за исключением тех, которые были наиболее тесно связаны с уцелевшими укрепленными пунктами. Происходит еще одно массовое передвижение жителей долин глубже в горы. В Таврике VIII—X вв. наблюдается временный упадок хлебопашества, замирают земледельческие поселения и усиленно развивается скотоводство на труднодоступных нагорьях (яйле). Одновременно возле скотопрогонных дорог на яйлу появляются новые поселения.

Основу отгонного скотоводства в горном Крыму заложили еще тавры, и оно здесь никогда не прекращалось. Когда же притеснения со стороны хазар принудили людей покинуть плодородные долины и поселиться в горах, скотоводство приобрело особенно большой размах. Снова возросло значение охоты и рыбной ловли. Люди сеют хлеб на небольших лесных полянах, собирают дикie плоды. Последнее, как видно, сопровождалось перенесением некоторых навыков садоводства в условия горных лесов: вокруг лесных плодовых деревьев вырубали и выкорчевывали другие деревья и подлесок, устанавливали известный уход за ними, а порой использовали и в качестве подвоя для прививки культурных сортов. Многие из лесных яблонь, груш и других деревьев в самой глубине горного Крыма хранят следы весьма давнего вмешательства человека в их судьбу. Возраст некоторых из них насчитывает не одно столетие. Ведь позднесредневековое садоводство в горах Крыма не могло возникнуть сразу в том совершенном виде, в каком его можно наблюдать в XV—XVIII и даже еще в XIX столетиях.

О мизерности зернового хозяйства в VIII—IX вв. говорят миниатюрные жернова ручных мельниц и мелкие зернотерки, найденные в целом ряде пещер и гротов Главной горной гряды, которые после

многовекового перерыва снова используются под жилье. Такие поселения далеко не единичны. Комплексы средневековых пещер-жилищ с культурным слоем, говорящим о постоянном обитании в них человека, имеются на отрогах горного массива Караби (в частности, над рекой Суат). Есть они кое-где и по правому берегу Малого Салгира. Более многочисленные жилые пещеры обнаружены над истоками Большого Салгира и в районе его верхних притоков — чатыр-дагские пещеры и гроты над с. Мраморное, пещеры отрогов Долгоруковского массива, например, в урочище Ени-Сала близ с. Перевальное (б. Ангара). Та же картина наблюдается в ряде пещер и гротов Демерджи.

Но больше всего средневековых поселений в пещерах приходится на юго-западные районы Таврики — по обе стороны Главной горной гряды и ее отрогов. Над побережьем известны жилые пещеры: Иограф, Висячая, Ставрикайская, пещеры над Форосом и Шайтан-Мердвенем, гроты в скалах Ласпи и ряд других, где найдены следы использования их в VIII—X вв. в качестве жилищ. На северной стороне гор известны пещеры Сюндурлю-Коба в урочище Ай-Димитрий, а также в верховьях Узунджи и Баги (притоков р. Черной).

Внутри всех пещерных жилищ имелись очаги. Здесь же хранились посуда, скудные запасы зерна в амфорах и пифосах, примитивная домашняя утварь.

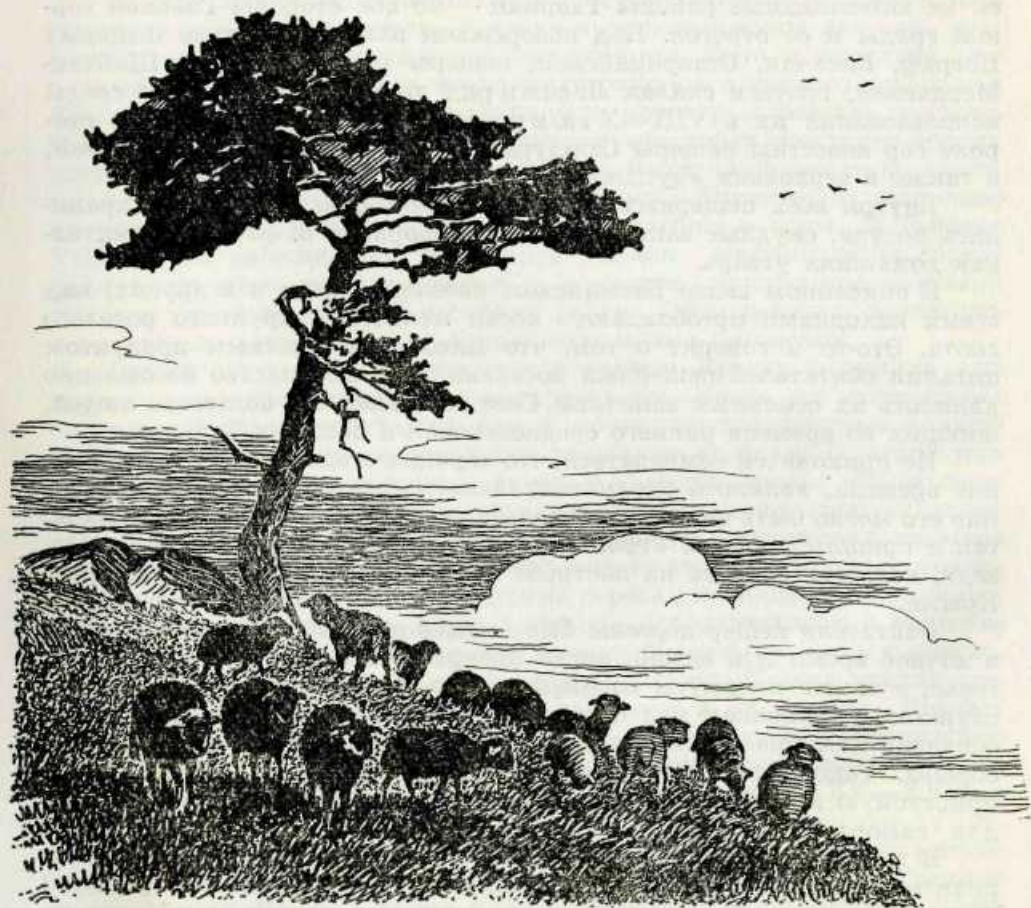
В описанном выше Васманском поселении (как и в других) над всеми находками преобладают кости мелкого и крупного рогатого скота. Это-то и говорит о том, что мясо было главным продуктом питания обитателей пещерных поселений, а скотоводство несомненно являлось их основным занятием. Скот составлял все богатство людей, живших во времена раннего средневековья в пещерах Таврики.

Не приходится сомневаться, что хорошее стадо, как и в более ранние времена, являлось предметом зависти соседей. Поэтому присвоение его могло быть целью грабительских налетов как соплеменников, так и пришлых врагов. Угрожали скоту и дикие звери — волки, медведи, которые, судя по их костным остаткам, водились тогда в лесах Крыма.

Обитатели пещер должны были изыскивать способы охраны стад в ночное время или зимой, когда прекращается выгон скота на нагорье, а также в минуты военной опасности. Возможно, этой цели и служила построенная над басманскими жилыми пещерами подковообразная каменная стена, концы которой почти примыкают к краям обрыва. Такой загон представлял собой примитивную, но почти неприступную крепость, вероятно, игравшую оборонительную роль и для самого поселения.

В горах и на побережье Крыма встречаются разнообразные варианты подобных укреплений — загонов и одновременно убежищ (Биук-Исар над с. Оползневое, исар над перевалом Шайтан-Мердвень

и др.). Прimitивная фортификация, первобытный характер кладки из необработанных камней, вся дикая внешность и мощь этих сооружений долгое время заставляли археологов приписывать их таврам. Однако специальные обследования показали, что как раз те из укреплений, которые казались вероятнее всего таврскими, или не дают никаких археологических находок (Басман, Аю-Дагский исар), или дают незначительный и лишь средневековый материал (исар у Шайтан-Мердвеля). По аналогии с последними можно и первые отнести к средневековью, особенно если учесть их близость со средневековыми поселениями, замками, монастырями. Однако другие укрепления, чрезвычайно похожие на эти по строительным приемам (на горе

Кошка, на Кастели), дают наряду со средневековым и таврский материал. По-видимому, в Таврике от глубокой древности до зрелого средневековья существовала непрерывная преемственность устойчивых хозяйственных, оборонительных и строительных традиций.

На северной стороне гор в труднодоступных местах — по р. Черной, в верховьях Бельбека, Качи и других рек — к концу IX в. появляются (как и на южном побережье) небольшие, но мощные замки. Слово орлиные гнезда на крутых скалистых высотах, они господствуют над ущельями и долинами — это Сандык над с. Поляна, Сююрю-Кая у подъема на Ай-Петри, Кермен-Кая на Басмане, Пахкал-Кая над Ангарским перевалом, Сарджик над р. Черной и другие.

В X в. экономическое и политическое положение всех районов раннесредневековой Таврики становится почти одинаковым. Оно характеризуется окончательной децентрализацией административного управления, относительной свободой сельских общин, организационно-хозяйственная роль которых, по-видимому, еще далеко не снижается. Появляются новые и восстанавливаются старые земледельческие поселения в речных долинах предгорья. Одновременно сохраняются и пастушеские поселения в достаточно обжитых горных районах.

Все это сопровождается самым оживленным строительством храмов и монастырей. Постепенно некоторые из них превратятся в церковно-административные центры (тот же Партенитский монастырь) и подчинят себе целые группы сельскохозяйственных поселений.

Характерно, что многие из поселений того времени носят имена святых, во имя которых воздвигаются храмы — Ай-Тодор, Ай-Димитрий, Ай-Йори и прочие. Подобная популярность имен святых-воинов говорит об усилении военно-феодальных настроений и взглядов в тот период.

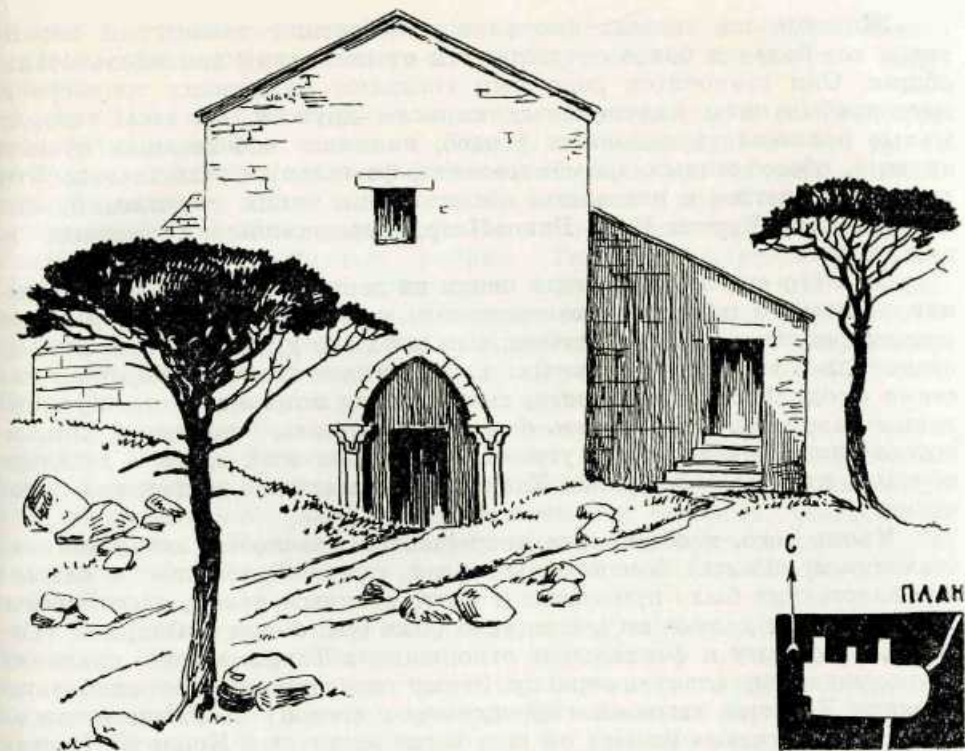
Группировка части сельских общин вокруг монастырей и больших храмов приводила к возникновению своеобразных феодально-церковных организаций, очень похожих на западноевропейские аббатства. Они сыграли немалую роль в жизни средневековой Таврики и, очевидно, явились основой возникавших тогда епископий. Возможно, что некоторые из них (например, Бойка) даже после поражения восстания Иоанна Готского держались наравне с теми группировками поселений, которые носили чисто светский характер. Но вооруженная сила (военно-дружинная прослойка) ковалась в последних. Именно этой силе суждено было вскоре возглавить феодальное государство в Крыму.

Подчинение местной церкви светским князьям Таврики оставляло ей полную свободу хозяйственной и церковно-административной деятельности. Знакомясь с немногими церковными документами, которые опубликованы и доступны всем, мы увидим, что не столько заботы о душах паствы, сколько чисто земные хлопоты о материальном благосостоянии и обогащении поглощают внимание епископов «Готии». Однако этим они, очевидно, немало способствовали собиранию сельских общин вокруг Мангупа, от которого полностью зависели. А вся духовная деятельность церкви сеяла в Таврике семена той феодальной идеологии, тех теократических идей, без которых не может обойтись феодальное государство.

В подобных обстоятельствах термин «Готия» не обрел реально-политического содержания. Он не стал названием государства или страны, за ним остался лишь церковно-топографический смысл. Крымская «Готия» — это всего-навсего обозначение самой крупной в средневековом Крыму епархии, территориальные границы которой, подчеркнем, были весьма условными и не раз изменялись.

Владычество хазар в Крыму, а затем и распад хазарского государства во второй половине X в. (после разгрома Святославом их столицы Итилы в 969 г.) привели ко вторичному заселению речных долин и новому расцвету земледелия, особенно в юго-западных районах полуострова.

Однако затем угроза со стороны кочевников — печенегов, половцев, и наконец монголо-татар — вызывает усиление и рост военно-

Капелла крепости Демерджи

дружинной прослойки, укрепляется неограниченный авторитет ее предводителей. Последние, используя в своих выгодах предоставленную им вооруженную власть, довольно быстро превращаются в мелких князьков, властителей небольших уделов.

Этот процесс в XI—XIII вв. вызывает появление многочисленных новых замков, а ранее возникшие перестраиваются в соответствии с возросшими фортификационными требованиями. Расположенные удачнее других и лучше укрепленные городища (например, Мангуп, Чуфут-Кале, Солхат, Сугдея, о которых говорится в других главах) в это время расширяются и обрастают дополнительными поясами стен и башен. Они превращаются в феодальные города.

Жилища же горных феодалов приобретают замкнутый характер и все более и более отчуждаются от поселений земледельческих общин. Они становятся родовыми гнездами княжеских семейств и местопребыванием подчиненных князьям дружин. Об этом говорят малые размеры укрепленных усадеб, наличие собственных кузниц оружия, обособленных храмов-моделен, фамильных усыпальниц. Эти детали бросаются в глаза при обследовании таких укреплений, как Сандык-Кая, Кермен-Кая, Биюк-Исар, Демерджийская крепость и ряд других.

От этого смутного времени почти не дошло письменных источников, и нам не известны столкновения, несомненно происходившие между феодалами. Мы не знаем, как в борьбе друг с другом слабые становились вассалами сильных; как возникла централизованная система феодальной зависимости, складывался аппарат единого управления Таврикой. Однако есть основания думать, что перед лицом всегда близкой и активной угрозы общего для всех врага — хищных кочевых племен — феодалы Таврики держались достаточно сплоченно.

Кроме того, в обстановке непрерывной опасности, когда воином становился каждый боеспособный член сельской общины, а внимание властелина было приковано к чисто военным делам, старейшины общин играли далеко не последнюю роль (см. очерк «Общины «Готии»), а поэтому и феодальные отношения в Таврике долго сохраняли полупатриархальную окраску. Этому способствовало и ослабление влияния Херсона, вызванное смещением в сторону от Таврики торгового пути «в греки» (теперь он шел через восточный Крым на Тмутаракань). Крайнее ограничение размаха торговли Таврики поневоле привязывало к земле все слои ее населения. Это долго мешало накоплению больших богатств и полному социальному отрыву знати от простых земледельцев. Вот почему в феодальных гнездах горного Крыма мы не увидим особой роскоши и той помпезности архитектуры, какая характеризует замки Западной Европы.

Обзор дальнейшей истории средневековой Таврики — «Готии» входит в другую главу. Добавим лишь еще один штрих к общей картине экономического и политического положения в горах и на южном побережье. Когда древнерусское государство оказалось блокированным монголо-татарскими ордами, а русское Тмутараканское княжество, охранявшее Великий торговый путь, прекратило свое существование, для средневекового Крыма наступил период временного и неустойчивого равновесия, в котором взаимодействуют три основных силы. С одной стороны — «Готия», превратившаяся в княжество Феодоро, с феодальной системой управления, организованной военной силой и дружественными связями с Херсоном и Трапезундской империей. С другой стороны — ее злейший враг — смешанные тюрко-

язычные и монголо-татарские орды, переходившие к оседлой жизни в степи, восточном и центральном предгорье, на Керченском полуострове.

Третьей силой являлись итальянцы (венецианцы, а затем генуэзцы), обосновавшиеся в районе Сугдеи и Кафы, а затем все время расширявшие территорию своих колоний. Как мы увидим в последующих очерках, в результате одновременных, а порой и совместных агрессивных действий кочевников и итальянских торгашей от «Готии» отпадают восточные районы Таврики. Алушта и район Чатыр-Дага становятся восточным флангом владений Феодоро, а весь район предгорья по Салгиру, Альме и вокруг Чуфут-Кале на время делается спорной территорией. Возникшее, по-видимому, здесь самостоятельное княжество вокруг укрепления Кырк-Ер (или Кырк-Ор — Чуфут-Кале) оказалось недолговечным.

На южном побережье интересы Феодоро сталкиваются с притязаниями Генуи. Итальянцы то и дело захватывают приморские укрепления. В некоторых из них (Алуштинском, Гурзуфском и др.) они обосновываются на длительное время, в Чембало (Балаклаве) остаются до 1475 г. и превращают бухту, крепость и ближайшую сельскохозяйственную территорию в свой западный форпост на побережье.

По-видимому, именно тогда, когда генуэзцы создали свое специальное военно-административное учреждение — «капитанство Готию», целью которого было обеспечить безопасность их каботажного плавания в Черном море и торговли на южных берегах Крыма, князя Феодоро («господа Готии» — по итальянскому источнику), противодействуя им, построили свои укрепления по соседству с береговыми крепостями, переходившими из рук в руки. Видимо, таким путем они стремились не пускать итальянцев в глубь горного Крыма. Ничем другим нельзя объяснить появление именно в этот период целого ряда как бы «спаренных» крепостей, о которых говорилось выше. Напомним их: Чембало и Камера, верхняя и нижняя Ореандские крепости; Панеа и крепость на Кошке; Гурзуфская крепость и Гелин-Кая у Краснокаменки; укрепление на мысе Мартьян и Палеокастрон у с. Никита; Алуштинская и Демерджийская крепости и др. Это явление, характерное, подчеркнем, лишь для южного побережья Таврики (от Алушты до Балаклавы), отражает, вероятно, двоевластие, которое на нем царило и борьбу между Генуей и князьями Феодоро, считавшими себя, как свидетельствует их титул, законными «владельцами Поморья».

